

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1400-1408. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1400
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Peasantry of the Altai Province and Cooperation (Based on the Materials of the All-Russian Agricultural Census of 1917)

Viktor N. Razgon ^{a, *}, Kseniya A. Pozharskaya ^a, Anton V. Razgon ^b

^a Altai State University, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

Based on the analysis of materials from the agricultural census of 1917, the article determines the level of participation in various types of cooperation of peasants of the Altai province, belonging to different settlement groups, and inside them – depending on the level of prosperity. The greatest level of involvement in butter-making cooperation was characteristic of old-time peasants, in the economy of which livestock farming has traditionally been the most profitable business. Less often than peasants of other settlement groups, Stolypin migrants participated in this type of cooperation, as they were at the initial stage of adaptation to new natural and sociocultural conditions. At the same time, migrants who were in dire need of credit for the purchase of agricultural implements and household items more often than old-timers became members of credit and consumer societies.

In all the settlement groups of the Altai peasantry, the participation of peasants in butter-making cooperatives expanded as the number of dairy cattle on their farms increased. Membership in consumer cooperatives was most widespread among the wealthy groups of the Altai peasantry who had more financial opportunities to satisfy their consumer needs. Peasants belonging to the group with an average level of prosperity were most actively registered in credit cooperatives. The aspirations to participate in this type of cooperation between the prosperous and entrepreneurial groups of the peasantry were constrained by the restrictive policies of the tsarist government, which reflected the position of Siberia as an economic colony and the cessation of agricultural exports since the First World War.

Keywords: peasantry, cooperation, agricultural census, agrarian migration, Siberia, Altai region.

1. Введение

Одной из особенностей кооперативного движения в Российской империи являлось его активное развитие на окраинных территориях, в частности в Сибири. Если в Европейской части страны с 1911 по 1914 гг. сеть кредитных кооперативов выросла на 58 %, то в Сибири – в 3,8 раза (Пахомчик, 2017: 181). Число кооперативных потребительских обществ в целом в стране с 1915 по 1918 г. увеличилось в 2,5 раза, а в Сибири – в 10 раз (Пивоваров, Рынков, 2012: 40). Рост спроса на сибирское масло на внешних рынках вызвал интенсивное развитие в регионе такого вида кооперации как маслодельческая. В 1914 г. в Сибири насчитывалось 2100 маслодельческих кооперативов.

Лидирующее положение в кооперативном движении в Сибири занимал один из важнейших сельскохозяйственных регионов на востоке страны – Алтайская губерния (образована в июне 1917 г. на основе Алтайского округа, входившего в территориально-административном отношении в состав Томской губернии) – в 1916 г. на Алтае действовало 1972 кооператива: 275 кредитных, 803 потребительских, 865 по сбыту и переработке сельскохозяйственной продукции (в основном

* Corresponding author

E-mail addresses: vrazgon@rambler.ru (V.N. Razgon)

маслодельческой), 29 прочих (Пахомчик, 2017: 181). К 1917 г. разными видами кооперации было охвачено более половины хозяйств алтайских крестьян.

Если во второй половине XIX века кооперативы создавались преимущественно по инициативе органов государственного и местного управления, то в начале XX столетия их образование стало результатом самостоятельности крестьян. Кооперация, посредством участия в которой крестьянские хозяйства удовлетворяли свои потребности в кредитных ресурсах, снабжении орудиями труда и потребительскими товарами, переработке и сбыте производимой продукции, являлась важнейшим средством включения крестьянских хозяйств региона в товарно-денежные, рыночные отношения, способствовала технологическому прогрессу в аграрном производстве.

2. Материалы и методы

Участие алтайского крестьянства в кооперации исследуется авторами статьи на основе анализа статистической информации, извлеченной из подворных анкет Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года. Структуризация информации, содержащейся в переписных анкетах, осуществлялась с использованием методов и технологий баз данных. Сформированная авторами база данных «Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г.» (Крестьянские хозяйства..., 2009) включает сведения о 13,1 тыс. хозяйств, отобранных с использованием 5-процентной выборки из общего числа сохранившихся подворных анкет крестьянских домохозяйств Алтайской губернии (фонд Алтайской губернской земской управы госархива Алтайского края). База данных содержит статистическую информацию о крестьянских хозяйствах, принадлежавших к трем основным поселенческим группам: старожилам (4072 хозяйства), переселенцам, водворившимся в регионе во второй половине XIX в. – 1906 г. (4850 хозяйств), и мигрантам периода столыпинских реформ (2714 хозяйств), что создает возможность для сравнительного анализа участия в кооперации крестьян различных поселенческих групп.

При проведении сельскохозяйственной переписи 1917 г. учитывалось участие крестьянских хозяйств в трех видах кооперации – кредитной, потребительской и маслодельческой. Помимо сведений об участии в кооперативах, база данных содержит и другую многоаспектную информацию о демографическом и экономическом состоянии крестьянских домохозяйств, извлеченную из переписных анкет. Ее взаимосвязанное использование позволяет выявить специфику участия в кооперации различных групп крестьянства, определяющуюся характером их хозяйственно-экономической деятельности. Для определения уровня вовлеченности в разные виды кооперации крестьян, принадлежавших к различным поселенческим группам (старожилов, достолыпинских переселенцев, мигрантов периода столыпинских реформ), а в рамках поселенческих групп – хозяйств с разным уровнем зажиточности, авторами использовались методы компьютеризованного статистического анализа.

3. Обсуждение

Дореволюционные исследователи народнической ориентации видели в кооперации не только форму экономической деятельности, но и возможность социального переустройства общества. В частности, М.И. Туган-Барановский, внесший существенный вклад в разработку теории кооперации, в своей работе «Социальные основы кооперации» рассматривал кооперацию в качестве организационного основания социалистического общества (Туган-Барановский, 1989). Экономисты «организационно-производственной школы» (А.В. Чайнов, Н.П. Макаров, А.Н. Челинцев и др.) связывали перспективы кооперативного движения с естественными процессами организационной эволюции крестьянского семейного производства (Чайнов, 1991; Челинцев, 1919).

Бурное развитие кооперативного движения в Сибири в начале XX столетия нашло отражение в работах Д.И. Илимского о кооперативных союзах (Илимский, 1919) и Д.Н. Махова о потребительской кооперации в регионе (Махов, 1923).

В советской историографии тема развития кооперации рассматривалась через призму реализации «ленинского кооперативного плана». Поэтому история отечественной дореволюционной кооперации исследователями практически не изучалась, хотя в рамках монографических работ по истории сельского хозяйства и крестьянства отдельных регионов страны вводились в научный оборот данные по истории кооперативного движения. В частности, развитию кооперации в Сибири был посвящен один из разделов фундаментальной монографии В.Г. Тюкавкина о сибирской деревне начала XX века (Тюкавкин, 1966).

В постсоветский период исследования по истории крестьянской кооперации значительно активизировались как на общероссийском (Болотова, 2003; Корелин, 2009; Лубков, 2019), так и на региональном уровне (Алексеева, 1993; Ломакина, Старин, 2000; Гузик, 2002; Сыщенко, Сыщенко, 2003; Запорожченко, 2006; Чедурова, 2014; Макеев, 2015). В современной сибирской историографии истории кооперации основное внимание уделялось изучению становления и развития организационных форм кооперации, деятельности региональных кооперативных союзов, роли кооперации в развитии экономики региона и аграрных технологий, ее влияния на социокультурную жизнь деревни и т.д.

Материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года практически не использовались историками для анализа участия сибирского крестьянства в кооперативном движении.

4. Результаты

В [Таблице 1](#) представлены данные об участии в основных видах кооперации крестьян разных поселенческих групп, полученные в результате компьютерной обработки статистических сведений, содержащихся в базе данных крестьянских хозяйств Алтайского округа, составленной по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. Их анализ показывает, что алтайские старожилы превосходили переселенцев по уровню вовлеченности в маслодельческую (молочную) кооперацию (26,0 % хозяйств против 23,9 %), а переселенческие хозяйства, в свою очередь, демонстрировали более высокую степень участия в таких видах кооперации, как кредитная и потребительская (соответственно 36,3 и 30,0 % против 31,3 и 27,8 % у старожилов).

Таблица 1. Участие в кооперации различных поселенческих групп крестьян Алтайского округа в 1917 г. ([Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

Поселенческие группы крестьян	Виды кооперации		
	Маслодельческая	Кредитная	Потребительская
в % от общего числа хозяйств			
Старожилы	26,0	31,3	27,8
Переселенцы, в т.ч. водворившиеся: во второй половине XIX в –1906 г. в столыпинский период	23,9	36,3	30,0
	25,1	39,0	32,7
	19,8	32,8	26,1

В хозяйственных занятиях сибирских старожилов, занимавших на праве первопосельщиков места с черноземными почвами, богатые сенокосными и пастбищными угодьями, животноводство занимало важнейшее место из-за его высокой доходности, которая обеспечивалась низким уровнем затрат на содержание скота. А в начале XX столетия молочное животноводство региона получило новый импульс к развитию, связанный с ростом спроса на сибирское сливочное масло на внешних рынках. Превосходство старожильческих хозяйств в обеспеченности скотом было зафиксировано и в ходе переписи 1917 г.: на одно старожильческое хозяйство в среднем приходилось голов крупного рогатого скота – 6,1, коров – 3,1, а на одно хозяйство мигрантов достолыпинского периода – соответственно 5,6 и 2,9 голов, столыпинских переселенцев – 4,0 и 2,0 голов ([Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

Среди крестьянских хозяйств сравниваемых поселенческих групп наименее вовлеченными в молочную кооперацию являлись переселенцы столыпинского периода (19,8 % хозяйств против 26,0 % у старожилов и 25,1 % у более ранних переселенцев ([Таблица 1](#)), находившиеся к моменту проведения переписи фактически еще на первоначальной стадии хозяйственного обустройства в новой природно-географической среде обитания. Вместе с тем, как следует из данных [Таблицы 2](#), в которой отражен уровень участия крестьян в маслодельческой кооперации в зависимости от обеспеченности их молочным скотом, в производственных группах многокоровных хозяйств (с 5-6 коровами и более) доля хозяйств, состоявших в маслодельческих кооперативах, у столыпинских переселенцев была даже большей, чем у мигрантов, водворившихся на Алтае в более ранний период. Вместе с тем 67,5 % мигрантов столыпинского периода содержали на своих подворьях не более 1–2 коров (в двух других сравниваемых поселенческих группах – переселенцев более раннего времени и старожилов – доля таких малокоровных хозяйств была значительно меньше – соответственно 50,9 и 48,7 %), что не только не давало им возможности регулярно продавать молоко на маслозаводы (членство в маслодельческих кооперативах имели лишь 17,4 % таких хозяйств), но и в больших семьях не гарантировало обеспечения потребительских нужд.

Таблица 2. Участие хозяйств различных поселенческих групп крестьян Алтайского округа в маслодельческой кооперации в зависимости от уровня обеспеченности молочным скотом (по данным с/х переписи 1917 г.) ([Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

Группы хозяйств	Хозяйства, состоявшие в маслодельческих кооперативах, % об общего числа		
	Старожилы	Переселенцы второй пол. XIX в. – 1906 г.	Столыпинские переселенцы
с 1–2 коровами	20,9	19,3	17,4
с 3–4 коровами	33,1	33,6	31,9
с 5–6 коровами	36,4	36,5	39,6
с 7 и более	41,8	38,2	39,7
Всего:	28,6	27,5	23,3

Вместе с тем сравнение результатов переписи 1917 г. и более ранних статистических обследований показывает, что маслодельческая (молочная) кооперация довольно динамично развивалась и в местах водворения столыпинских мигрантов. Так, в результате выборочного обследования крестьянских хозяйств, проведенного в 1911 г. в одном из основных в Алтайском округе районов водворения переселенцев столыпинского периода – Кулундинской степи, было установлено, что в данной местности направляли на продажу часть производимого молока лишь 8 % всех обследованных хозяйств. Организаторы обследования объясняли столь низкий показатель главным образом малой заинтересованностью местных крестьян-переселенцев в производстве молока на продажу, определявшейся монополизацией рынка частными владельцами маслозаводов и сепараторов, которые в большинстве своем одновременно являлись держателями товарных лавок и принимали молоко на условия оплаты за него не деньгами, а товарами из своих лавок. При этом прогнозы на рост товарного производства молока связывались с возможным развитием здесь маслодельческой кооперации ([Сборник..., 1913: 171](#)). Как показывают материалы сельскохозяйственной переписи, к 1917 г. ситуация хотя и не кардинально, но во многом изменилась: к этому времени в районе Кулундинской степи действовало уже до двух десятков маслодельческих кооперативов, объединявших около 20 % всех переселенческих хозяйств.

Зафиксированное в [Таблице 1](#) более широкое участие переселенцев (как столыпинского периода, так и более раннего времени) в сравнении со старожилами в кредитной кооперации было обусловлено высокой потребностью мигрантских хозяйств в кредитных ресурсах, необходимых для покупки сельскохозяйственного инвентаря, скота, предметов бытового обустройства. Значительная часть инвентаря и потребительских товаров покупалась через торгово-закупочные пункты потребительской кооперации, по участию в которой, как следует из данных [Таблицы 1](#), переселенцы также превосходили старожилов.

Проведенное ранее авторами настоящей статьи исследование стратегии хозяйственной адаптации переселенцев, прибывавших на поселение в Алтайский округ в период столыпинских реформ, показало, что на начальном этапе она основывалась на приоритетности направления материальных и трудовых ресурсов переселенческих домохозяйств в занятия земледелием – отрасль сельскохозяйственного производства, обеспечивающую более быстрый оборот вкладываемых средств по сравнению с животноводством. Реализация такой хозяйственной стратегии позволяла недавним мигрантам в короткий срок прирастить вложенные средства и тем самым создать условия для дальнейшего роста материальной базы своих хозяйств, в том числе и наращивания поголовья скота ([Разгон и др., 2013: 242-246](#)). Предпочтение, отдаваемое переселенцами земледельческим занятиям, было зафиксировано переписью 1917 г.: средний посев на одно старожильческое хозяйство по округу составлял 5,9 десятин, тогда как в переселенческих хозяйствах этот показатель был существенно более высоким: у достолыпинских мигрантов – 9,0 дес., столыпинских – 7,8 дес. ([Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

Для освоения целинных и залежных земель, отводимых на переселенческих участках, крестьянам-мигрантам необходимы были производительные пахотные орудия – многолемешные плуги, буккера. Согласно результатам учета сельхозинвентаря, в хозяйствах переселенцев, водворившихся в Алтайском округе в течение 10 лет, предшествующих переписи 1917 г., практически не использовались такие примитивные орудия вспашки, как сохи, зато была сосредоточена половина (50,8 %) всех учтенных в ходе ее проведения наиболее производительных и усовершенствованных пропашных орудий того времени – буккеров ([Разгон и др., 2013: 248](#)), при том, что доля таких хозяйств в общей массе учтенных составляла около 20 %. Потребность переселенцев в сельхозинвентаре во многом удовлетворялась посредством участия в кредитной и потребительской кооперации, покупки его через пункты торгово-снабженческой сети, создаваемой кредитными и потребительскими кооперативами. С 1906 по 1911 годы сибирскими кооперативами было закуплено

для последующей реализации крестьянским хозяйствам усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря и машин на сумму 84 млн руб. Закупсбыт, объединявший 2700 потребительских кооперативов с общим оборотом 135 млн руб., в 1917 г. поставил на крестьянские подворья сельхозорудий на 40 млн золотых рублей, а объем аналогичных продаж Алтайского кредитного союза составил в этом году 2,4 млн руб. (Чедурова, 2014: 153, 159).

Сведения, представленные в Таблице 3, показывают уровень участия в кредитной и потребительской кооперации хозяйств разных посевных групп с раздельным учетом внутри рассматриваемых поселенческих групп алтайского крестьянства (старожилов, достольпинских и столыпинских переселенцев).

Характерный для всех поселенческих групп крестьян низкий уровень участия в кредитных и потребительских кооперативах малопосевных хозяйств (с посевом до 4 дес.) обуславливался их малой экономической мощностью.

Вполне ожидаемыми являются зафиксированные в Таблице 3 более высокие показатели участия в потребительской кооперации крестьян крупнопосевных групп (с посевом от 12 до 25 и более 25 дес.), имевших больше финансовых возможностей для удовлетворения потребительских нужд и запросов своих семей, в том числе и за счет членства в потребительских обществах.

Что касается кредитной кооперации, то во всех поселенческих группах наиболее массовым было участие в ней хозяйств с посевом от 4 до 12 дес., которых в рамках устоявшейся в исторической литературе классификации социально-имущественной дифференциации крестьянства обычно относят к «середнякам». Степень вовлеченности в кредитную кооперацию середняцких хозяйств была более высокой, чем зажиточных (с посевом от 12 до 25 дес.) и крупнопосевных (с посевом более 25 дес.) хозяйств как в старожильском, так и переселенческом сегментах регионального крестьянского социума: среди старожилов она составляла 37,5 % против соответственно 28,2 % и 31,4 %, а среди переселенцев – 44,9 % против 42,5 % и 38,5 % (Таблица 3). С учетом того, что кредитные ресурсы кооперации были важнейшим источником заемных средств для сибирских крестьян, это может свидетельствовать о наличии у середняцких хозяйств потенциала к расширению производства и, наоборот, о сокращении таких возможностей и перспектив у зажиточной части деревни.

Таблица 3. Участие крестьянских хозяйств в кредитной и потребительской кооперации (с группировкой по размерам посева и поселенческим группам) (Крестьянские хозяйства..., 2009)

Поселенческие и посевные группы крестьян	Виды кооперации	
	Кредитная	Потребительская
	% от общего числа хозяйств	
С посевом до 4 дес.		
старожилы	30,8	25,2
переселенцы, в т.ч. водворившиеся:	30,8	25,3
во вт. пол. XIX в. – 1906 г.	33,0	25,1
в столыпинский период	28,7	24,7
от 4 до 12 дес.		
старожилы	37,8	32,2
переселенцы, в т.ч. водворившиеся:	44,9	32,6
во вт. пол. XIX в. – 1906 г.	45,7	34,7
в столыпинский период	42,8	28,2
от 12 до 25 дес.		
старожилы	28,2	34,8
переселенцы, в т.ч. водворившиеся:	42,5	38,2
во вт. пол. XIX в. – 1906 г.	43,5	41,6
в столыпинский период	39,4	31,3
свыше 25 дес.		
старожилы	31,4	42,9
переселенцы, в т.ч. водворившиеся:	38,5	41,8
во вт. пол. XIX в. – 1906 г.	43,2	45,7
в столыпинский период	27,6	33,1

Менее широкое участие зажиточных крестьянских хозяйств в кредитной кооперации отчасти может быть объяснено наличием у них собственных накопленных средств, которые могли

инвестироваться в расширение производства. Вместе с тем ограниченное обращение к кредитным ресурсам кооперации зажиточных крестьян – производителей товарного хлеба – может быть связано и с тем, что развитие крупного земледельческого производства в Сибири сдерживалось тарифной политикой государства (до 1913 г. действовал Челябинский тарифный перелом, значительно удорожавший вывоз зерновой продукции из Сибири), прекращением экспорта хлеба и сокращением трудовых ресурсов деревни с началом Первой мировой войны.

Похожая, хотя и несколько отличающаяся, ситуация с вовлеченностью хозяйств разного уровня зажиточности в кредитную и потребительскую кооперацию прослеживается и при группировке хозяйств по поголовью рогатого скота, учитывающей их животноводческую специализацию (Таблица 4). Как и в случае с группировкой по показателю, отражающему земледельческую специализацию, – размерам посева, самый высокий уровень участия в потребительской кооперации был характерен для наиболее экономически мощных групп животноводческих хозяйств (с числом КРС от 8 до 15 и свыше 15), во всех поселенческих группах беднейшие хозяйства (содержавшие не более 4 голов КРС) демонстрировали наименьший уровень участия в потребительской кооперации. Средняцкие хозяйства (5-7 голов КРС) превосходили более мощные в производственном отношении хозяйства по степени вовлеченности в кредитную кооперацию и более того – по этому показателю зажиточные хозяйства несколько отставали и от хозяйств низшей производственной группы (имевших не более 4 голов КРС). Вместе с тем, как было показано выше (Таблица 2), участие крестьянских хозяйств в маслодельческих кооперативах, обеспечивающих производство и сбыт продукции, находилось в прямо пропорциональной зависимости от уровня обеспеченности их молочным скотом. Снижение потребности зажиточных хозяйств с животноводческой специализацией в кредитных ресурсах могло быть связано с прекращением экспорта сибирского масла с началом войны.

Таблица 4. Участие крестьянских хозяйств в кредитной и потребительской кооперации (с группировкой по поголовью крупного рогатого скота и поселенческим группам) (Крестьянские хозяйства, 2009)

Группы крестьян	Виды кооперации	
	Кредитная	Потребительская
Крупного рогатого скота в хозяйстве	% от общего числа хозяйств	
от 1 до 4 голов		
старожилы	33,2	24,0
переселенцы, в т.ч. водворившиеся:	37,6	27,1
во вт. пол. XIX в.– 1906 г.	39,7	29,7
в столыпинский период	34,4	23,6
5–7 голов		
старожилы	35,4	33,3
переселенцы, в т.ч. водворившиеся:	43,4	36,5
во вт. пол. XIX в. – 1906 г.	45,5	37,5
в столыпинский период	39,1	34,5
8–15 голов		
старожилы	32,6	34,9
переселенцы, в т.ч. водворившиеся:	38,1	39,5
во вт. пол. XIX в. – 1906 г.	39,4	41,4
в столыпинский период	33,9	33,6
свыше 15 голов		
старожилы	23,0	36,6
переселенцы, в т.ч. водворившиеся:	35,2	37,4
во вт. пол. XIX в. – 1906 г.	36,2	36,2
в столыпинский период	30,6	42,9

5. Заключение

Таким образом, определение уровня участия в кооперации алтайских крестьян различных поселенческих групп на основе компьютеризированного статистического анализа сведений, содержащихся в базе данных, составленной по материалам с/х переписи 1917 г., показало, что наибольший уровень включенности в маслодельческую кооперацию был характерен для крестьян-

старожилов, в хозяйственных занятиях которых животноводство традиционно являлось наиболее доходной отраслью, а наименее охваченными этим видом кооперации были переселенцы столыпинского периода, находившиеся на начальной стадии приспособления к новым условиям хозяйствования. Вместе с тем переселенцы, испытывавшие острую нужду в заемных средствах, необходимых для покупки сельскохозяйственного инвентаря и предметов домашнего обустройства, чаще, чем старожилы, становились членами кредитных и потребительских обществ.

Анализ показателей, характеризующих взаимосвязь между уровнем участия в кооперации и степенью зажиточности крестьянских хозяйств, показывает, что во всех поселенческих группах алтайского крестьянства включенность крестьян в маслодельческую кооперацию повышалась с ростом обеспеченности хозяйств молочным скотом; в потребительские кооперативы наиболее активно вступали зажиточные слои алтайского крестьянства, имевшие больше финансовых возможностей для удовлетворения своих потребительских нужд; наибольшую степень вовлеченности в кредитную кооперацию демонстрировали хозяйства крестьян-середняков (как в районах с земледельческой, так и животноводческой специализацией), а устремления к участию в этой форме кооперации зажиточной и предпринимательской части алтайской деревни сдерживались ограничениями, накладываемыми экономической политикой правительства, отражавшими статус Сибири как экономической колонии, а также разрывом связей с мировыми рынками с началом Первой мировой войны.

Литература

- Алексеева, 1993** – Алексеева В.К. Кооперативное движение в Сибири. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 120 с.
- Болотова, 2003** – Болотова Е.Ю. «В единении – сила». Потребительская кооперация в России в конце XIX – начале XX в. Волгоград: Перемена, 2003. 330 с.
- Гузик, 2002** – Гузик М.В. Культурно-просветительская деятельность кооперации Восточной Сибири в конце XIX – начале XX века // *Иркутский историко-экономический ежегодник*. 2002. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2002. С. 70-74.
- Запорожченко, 2006** – Запорожченко Г.М. Первые потребительские кооперативы в Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Кооперация Сибири: история и современное состояние. Вып. 5 / Под ред. А.А. Николаева. Новосибирск, 2006. С. 130-145.
- Илимский, 1919** – Илимский Д.И. Кооперативные союзы Сибири (1908–1918 гг.). М., 1919. 102 с.
- Корелин, 2009** – Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России, 1861–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 391 с.
- Крестьянские хозяйства..., 2009** – Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г. [Электронный ресурс]: база данных / Сост. В.Н. Разгон, Д.В. Колдаков, К.А. Пожарская. Электрон. дан. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2009. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). № госрегистрации 2009620044.
- Ломакина, Старин, 2000** – Ломакина И.Б., Старин Б.С. Кооперация в Забайкалье: исторический опыт: (60-е годы XIX в. – февр. 1917 г.). Улан-Удэ: ВСГТУ, 2000. 251 с.
- Лубков, 2019** – Лубков А.В. Солидарная экономика. Кооперативная модернизация России (1907–1914 гг.). М.: МПГУ, 2019. 272 с.
- Макеев, 2015** – Макеев А.Н. Становление и развитие кооперативных союзов в Енисейской и Иркутской губерниях в начале XX века // *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2015. № 6 (101). С. 377-382.
- Махов, 1923** – Махов В.Н. Потребительская кооперация Сибири в процессе ее развития (1898–1920 гг.). Новониколаевск, 1923. 217 с.
- Пахомчик, 2013** – Пахомчик С.А. Алтайская сельскохозяйственная кооперация на рубеже XIX–XX вв. и ее значение для современного этапа возрождения кооперации в региональном АПК // *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. 2013. № 4 (102). С. 180-188.
- Пивоваров, Рынков, 2013** – Пивоваров Н.Ю., Рынков В.М. Сибирская кооперация в системе властных отношений в эпоху войн и революций // *Власть и общество в Сибири в XX веке: Сборник научных трудов*. Вып. 3. Новосибирск, 2012. С. 35-58.
- Разгон и др., 2013** – Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул: Азбука, 2013. 347 с.
- Сборник..., 1913** – Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Вып. 1. Томск, 1913. II, XXVIII, [2], 280, 29, [1].
- Сыщенко, Сыщенко, 2003** – Сыщенко А.Г., Сыщенко В.А. Золотые годы сибирской и алтайской кооперации. 1896–1919 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. Барнаул, 2003. Т. 1. 295 с.
- Туган-Барановский, 1989** – Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М.: Экономика, 1989. 496 с.

Тюкавкин, 1966 – Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября (К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). Иркутск, 1966. 471 с.

Чаянов, 1993 – Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации // Избранные труды. М.: Изд-во «Колос», 1993. С. 247-574.

Чедурова, 2014 – Чедурова Е.М. Западносибирская кооперация в период реформ и революций начала XX в.: идеология, законотворчество, агротехнологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. 272 с.

Челинцев, 1919 – Челинцев А.Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков: Харьк. О-во С. Х., 1919. 177 с.

References

Alekseeva, 1993 – Alekseeva V.K. (1993). Kooperativnoe dvizhenie v Sibiri. Konets XIX – nachalo XX v. [Cooperative movement in Siberia. The end of the 19th – the beginning of the 20th century]. Novosibirsk: Izd-vo NGU. 120 p. [in Russian]

Bolotova, 2003 – Bolotova E.Yu. (2003). «V edinenii – sila». Potrebitel'skaya kooperatsiya v Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [“In unity is power”. Consumer cooperation in Russia in the late XIX – early XX century]. Volgograd: Peremena. 330 p. [in Russian]

Chayanov, 1993 – Chayanov A.V. (1993). Osnovnye idei i formy organizatsii sel'skokhozyaistvennoi kooperatsii [The main ideas and forms of organization of agricultural cooperation]. Izbrannye trudy. M.: Izd-vo «Kolos», pp. 247-574. [in Russian]

Chedurova, 2014 – Chedurova E.M. (2014). Zapadnosibirskaya kooperatsiya v period reform i revolyutsii nachala XX v.: ideologiya, zakonotvorchestvo, agrotekhnologii [West Siberian cooperation during the period of reforms and revolutions of the early twentieth century: ideology, lawmaking, agricultural technology]. Gorno-Altai: GAGU. 272 p. [in Russian]

Chelintsev, 1919 – Chelintsev A.N. (1919). Teoreticheskie osnovaniya organizatsii krest'yanskogo khozyaistva [Theoretical foundations of the organization of peasant farming]. Khar'kov. 177 p. [in Russian]

Guzik, 2002 – Guzik M.V. (2002). Kul'turno-prosvetitel'skaya deyatel'nost' kooperatsii Vostochnoi Sibiri v kontse XIX–nachale XX veka [Cultural and educational activities of the cooperation of Eastern Siberia in the late 19th–early 20th century]. Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik. Irkutsk: Publishing House of Irkutsk State Economic Academy, pp. 70-74. [in Russian]

Ilimskii, 1919 – Ilimskii D.I. (1919). Kooperativnye soyuzy Sibiri (1908–1918 gg.) [Cooperative Unions of Siberia (1908–1918)]. M. 102 p. [in Russian]

Korelin, 2009 – Korelin A.P. (2009). Kooperatsiya i kooperativnoe dvizhenie v Rossii, 1861–1917 gg. [Cooperation and the cooperative movement in Russia, 1861–1917]. M.: ROSSPEN. 391 p. [in Russian]

Krest'yanskie hozyajstva..., 2009 – Krest'yanskie hozyajstva Altajskoj gubernii v 1917 g. [Peasant farms in the Altai province in 1917] [Electronic resource]: baza dannykh. Sost. V.N. Razgon, D.V. Koldakov, K.A. Pozharskaya. – Elektron. dan. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2009. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM). № gosregistratsii 2009620044. [in Russian]

Lomakina, Starin, 2000 – Lomakina I.B., Starin B.S. (2000). Kooperatsiya v Zabaikal'e: istoricheskii opyt: (60-e gody XIX v.– fevr. 1917 g.) [Cooperation in Transbaikalia: historical experience: (60s of the 19th century – Feb. 1917)]. Ulan-Ude: VSGTU, 251 p. [in Russian]

Lubkov, 2019 – Lubkov A.V. (2019). Solidarnaya ekonomika. Kooperativnaya modernizatsiya Rossii (1907–1914) [Joint economy. Cooperative modernization of Russia (1907–1914)]. M.: MPGU. 272 p. [in Russian]

Makeev, 2015 – Makeev A.N. (2015). Stanovlenie i razvitie kooperativnykh soyuzov v Eniseiskoi i Irkutskoi guberniyakh v nachale XX veka [The formation and development of cooperative unions in the Yenisei and Irkutsk provinces in the early twentieth century]. Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. № 6 (101), pp. 377-382. [in Russian]

Makhov, 1923 – Makhov V.N. (1923). Potrebitel'skaya kooperatsiya Sibiri v protsesse ee razvitiya (1898–1920 gg.) [Consumer cooperation in Siberia in the process of its development (1898–1920)]. Novonikolaevsk. 217 p. [in Russian]

Pakhomchik, 2013 – Pakhomchik S.A. (2013). Altaiskaya sel'skokhozyaistvennaya kooperatsiya na rubezhe XIX–XX vv. i ee znachenie dlya sovremennogo etapa vozrozhdeniya kooperatsii v regional'nom APK [Altai agricultural cooperation at the turn of the XIX–XX centuries and its significance for the modern stage of the revival of cooperation in the regional agribusiness]. Vestnik Altaiskogo gos-udarstvennogo agrarnogo universiteta. № 4(102), pp. 180-188. [in Russian]

Pivovarov, Rynkov, 2013 – Pivovarov N.Yu., Rynkov V.M. (2013). Sibirskaya kooperatsiya v sisteme vlastnykh otnoshenii v epokhu voyn i revolyutsii [Siberian cooperation in the system of power relations in the era of wars and revolutions]. Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke. Is. 3. Novosibirsk, pp. 35-58. [in Russian]

Razgon et al., 2013 – Razgon V.N., Khramkov A.A., Pozharskaya K.A. (2013). Stolypinskie migranty v Altaiskom okruge: reseselenie, zemleobespechenie, khozyaistvennaya i sotsiokul'turnaya adaptatsiya [Stolypin migrants in the Altai region: resettlement, land provision, economic and socio-cultural adaptation]. Barnaul: Azbuka. 348 p. [in Russian]

Sbornik..., 1913 – Sbornik statisticheskikh svedenii ob ekonomicheskom polozhenii pereselentsev v Tomskoi gubernii [A collection of statistical information on the economic situation of migrants in the Tomsk province]. Is. 1. Tomsk. [in Russian]

Syshchenko, Syshchenko, 2003 – *Syshchenko A.G., Syshchenko V.A.* (2003). Zolotyie gody sibirskoi i altaiskoi kooperatsii. 1896–1919 gg. [Golden years of Siberian and Altai cooperation. 1896–1919]. Barnaul. Vol. 1. 295 p. [in Russian]

Tugan-Baranovskii, 1989 – *Tugan-Baranovskii M.I.* (1989). Sotsial'nye osnovy koopeatsii [Social foundations of cooperation]. M.: Ekonomika. 496 p. [in Russian]

Tyukavkin, 1966 – *Tyukavkin V.G.* (1966). Sibirskaya derevnya nakanune Oktyabrya (K voprosu o formirovanii sotsial'no-ekonomicheskikh predposylok sotsialisticheskoi revolyutsii) [Siberian village on the eve of October (on the formation of the socio-economic prerequisites of the socialist revolution)]. Irkutsk. 471 p. [in Russian]

Zaporozhchenko, 2006 – *Zaporozhchenko G.M.* (2006). Pervye potrebitel'skie kooperativy v Sibiri (konets XIX – nachalo XX vv.) [The first consumer cooperatives in Siberia (late XX – early XX centuries)]. Kooperatsiya Sibiri: istoriya i sovremennoe sostoyanie. Is. 5. Novosibirsk, pp. 130-145. [in Russian]

Крестьянство Алтайской губернии и кооперация (на материалах Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.)

Виктор Николаевич Разгон ^{a, *}, Ксения Александровна Пожарская ^a,
Антон Викторович Разгон ^b

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Финансовый университет при правительстве РФ, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе анализа материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. определяется уровень вовлеченности в различные виды кооперации крестьян Алтайского округа, относящихся к разным поселенческим группам, а внутри них – в зависимости от уровня зажиточности. Наибольший уровень включенности в маслодельческую кооперацию был характерен для крестьян-старожилов, в хозяйстве которых животноводство традиционно являлось наиболее доходной отраслью, а наименее охваченными этим видом кооперации были переселенцы ствольпинского периода, находившиеся на начальной стадии приспособления к новой природно-географической и социокультурной среде обитания. Вместе с тем переселенцы, испытывавшие острую нужду в кредитных средствах, необходимых для покупки сельскохозяйственного инвентаря и предметов домашнего обихода, чаще, чем старожилы, становились членами кредитных и потребительских обществ.

Во всех поселенческих группах алтайского крестьянства вовлеченность в маслодельческую кооперацию увеличивалась по мере роста обеспеченности крестьянских хозяйств молочным скотом, в потребительской кооперации наиболее активно участвовали зажиточные слои алтайского крестьянства, а в кредитные кооперативы наиболее массово вступали крестьяне-средняки, устремления же к участию в этом виде кооперации зажиточной и предпринимательских слоев деревни сдерживалось ограничительной политикой царского правительства, отражавшей положение Сибири как экономической колонии, и прекращением экспорта сельхозпродукции с началом Первой мировой войны.

Ключевые слова: крестьяне, кооперация, сельскохозяйственная перепись, аграрная миграция, Сибирь, Алтай.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vrazgon@rambler.ru (В.Н. Разгон)